

Владимир Ширяев

Слово о Володе Ширяеве, нарочито, специально поперечном, супротивном поэте, разрушителе традиционных представлений о логике, умнице, скептике, мастере провокации и иронии, сталкивавшем несоединимые вещи, добром, заботливым друге. О чем же все-таки? О друге в первую очередь. О друге-поэте. Пусть сказанное выше не покажется преувеличением. Сейчас думаю, что надо бы написать о нем не заметку, а нечто большее. Такое бывает, когда встречаешься с настоящими талантами. Настолько все поданное людьми такого масштаба тут же становится фактором твоей жизни. У них удивительное умение: мы начинаем смотреть на мир их глазами, часто, сами того не замечая, их цитировать. Второе, что вижу в нем, могу определить как цельность. Каждое стихотворение Ширяева, прекрасное само по себе, похоже на русскую матрешку (он сам говорил: «материя - матрешка, смотрит на меня пустыми глазами»), ибо оно содержит в себе как бы муку продолжения («мука идеала» Анненского!). Его надо видеть, воспринимать в одном потоке с другими стихами. И с подтекстом. Третье: чрезвычайная мятежность даже в самых, казалось бы, безмятежных его строках. В последние свои годы он любил говорить о том, как блаженствует, выращивая тыкву, со своей супругой на неких райских островах, сам сажает деревья, оздоравливается календулой, пьет чай из мяты и смородины. Но от такого блаженства - холодок по коже! Тут можно вспомнить Блока: «Милый друг, и в этом тихом доме лихорадка бьет меня...» Это - чтобы ввести Володю в контекст. Он, на Мой взгляд, трагический поэт и как таковой находился в противоречии с действительностью (тот не поэт, кто ее одобряет, тот гроша ломаного не стоит, ему место в общем строю, где каждому десятому будут рубить голову!).

Вот большой, просквозивший почти все его доброе творчество, эпистолярный цикл - стихи, связанные с Сергеем Климовым. Не напоминает ли он тем, кто держит в руках один из его сборников, уже ту переписку, которой пользовались древние римляне. Только в письмах и только близкому проверенному другу они могли поведать о самом важном, душевном, сокровенном, нравственном. Ах, эти исповедальные письма!.. Мы и до сих пор их читаем как что-то современное. Как не услышать в контексте сказанного в окружающем нас пространстве все тот же звук подкованных сандалий римских легионов? С одной стороны - тоталитарное государство, а с другой - человек, который не хочет считать себя винтиком, пешкой и никак не втискивается в предуказанное ему место.

Таков по самым общим ощущениям, этот рассеянный по разным сборникам цикл, ставший поначалу в некотором смысле его, поэта, защитой. В нем таких два современных Ленских, с виду наивных, познающих мир приятеля и чудака, автор и этот самый Сергей, которые рассуждают о дружбе, об энтропии, о законах относительности и началах термодинамики, четвертое из которых почему-то дает человечеству отвратительно слабую надежду на вечную жизнь, о полетах в космос, преодолении магнетизма, о женщинах, поскольку оные часто приносят огорчения, но в основном друзья взаимно пекутся о духовном и телесном здравии. Есть у него и другие стихи в виде писем, по поводу, например, посылки семян тыквы в одну из горячих точек. Пусть там воюют, а жизнь продолжается: ему ответили, узнаем мы из стихов, поблагодарили. Есть письма и к вымышленным личностям, например, к Неле Бутерос... Он, Ширяев, выступает как бы в роли Гесиода: раздает огороднические советы, демонстрируя нарочитую лояльность, выпячивая свое право на личную жизнь (давно ли было: Декларация прав и свобод ходила в подпольных распечатках и «западным» считалось понятие презумпции невиновности!).

Много можно сказать об одном из главных качеств Володи, его обязательности. Но вот еще одна черта — выпуклость, его угол, катастрофично, губительно торчащий и заостренный, которым он больно стучался обо все, что, возможно, его в конце концов и погубило: он болезненно стремился обставить себя друзьями. Сами стихи его переполнены именами конкретных людей. Для чего? Чтобы было тепло?.. Причем люди для него становились друзьями только в том случае, если собой что-то представляли,

были сталкерами в своей области, личностями или хотя бы отдаленным намеком на то... К последним он относился с надеждой! А к друзьям - как-то по-детски просительно, часто обижался, если они оказывались не способны выполнить какую-то просьбу. Было, например: купи и привези ему на «Радугу» бутылку водки. Странно, ведь не горький пьяница. А вот как-то заболело сердце и почувствовал, что только это и поможет, а еще, может, захотелось встретиться с другом... Про себя он проклинал и прощал нас. У него было три любви: жизнь, его жена и друзья. Загадка Раи даже для меня, столь часто бывавшего в трудные моменты у Ширяевых, так и осталась загадкой. Так же, как загадкой остаются и другие вдовы поэтов, например, Ирина Киселева. Я не вижу тут магии, о которой упоминал Володя в стихах о супруге, скорее это редкое человеческое и женское достоинство, культура.

Я всегда удивлялся кругу его общения: в его компании можно было встретиться, если перефразировать Гумилева, с «испытующим взором Одиссеев из пароходных контор, Агамемнонов, которые из трактирных маклеров», там были и прокуроры, и какие-то сомнительные личности, и, естественно, художники, писатели... Это были встречи разных слоев общества лицом к лицу. Если говорить о контексте, то тут, кроме Гумилева, вспоминаются также Грин, Волошин. Он мог всех объединять, находить с каждым общий язык, а то и привечать за одним гостеприимным столом, на котором иногда возвышалась фаршированная дефицитным тогда мясом и черносливом совершенно с виду целая, искусно запеченная, с вырезом крышечкой, тыква. Причем он оставался совершенно не связан с тем или иным сообществом (кроме писательского), тем более с мафиозным миром. Просто он был самим собой, Ширяевым, которому все интересно. Как-то один «авторитет» из числа первых или вторых, уж не знаю, сказал мне, что вот Ширяев — это да!.. Почему бы не поверить?.. <...>

У меня в руках письмо от ... литературного героя Сергея Климова. Существует ли прототип? Мы знали его только по стихам Ширяева. Знали даже некоторые подробности биографии. Например, о том, что его убили... Ширяев страшно переживал: «Убили Климова, убили милого, ах, что он сделал хулиганью?» Но вскоре узнавали, что Климова, да, убили, но умные томские медики его реанимировали и он снова штангой балуется. И вот оказалось, что Сергей Васильевич Климов — не только литературный прием, а действительно существует. Написал Климов свое письмо в связи со смертью Володи, узнав о ней, к сожалению, только два года спустя... Родился в 49 году прошлого века в Новосибирске. Детство и юность провел в Кузбассе. В 72 году окончил Томский политех. Преподавал в институтах Омска и Новосибирска. В дальнейшем работал на электростанциях Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Сейчас трудится в Салехарде. К своему письму знаменитый Климов приложил довольно неуклюже написанное свое стихотворение, в котором объясняет, как должен быть устроен двигатель, который использует энергию гравитации.

Дерзай скорей, далекий друг,
Пробуй воплотить открытое решение.
Сложи сопротивление двух дуг
И выполнишь его ты назначение...

Сколько таких Климовых-Кулибиных на русской земле, неисправимых мечтателей, теоретиков! Были бы у меня эти дуги, тут же бы сложил... Если бы нашел, конечно, это сопротивление. Увы, поэтому никак пока не удастся дерзнуть! Была возможность позвонить Климову, есть теперь у меня его телефон, но как-то не решаюсь. Прости, Сергей, пока ты более интересен и дорог как персонаж стихов. Как человек нетрадиционный, не вписывающийся в общепринятые рамки. Ведь таким же был и Ширяев.

Могу даже сказать, что тем и восхитился Володя, что ты совершенно чужд поэзии, музыки, и по своей сути – технократ. Тем и оригинален. А он, как никто из наших друзей, любил новизну, свежий ветер, особенно весенний... Ты близок ему своим стремлением к новизне, которую он воспринимал как поэзию. Он понимал поэзию как нечто, что шире и больше его стихов, как особое отношение к жизни. Помнишь: «Мы с тобой как паспортисты эти...выписываем паспорта всем и всему, что есть на белом свете»? Взять форму стихов, поэтику Ширяева: лишь бы не повторить кого-то. У него с самого начала, с первого сборника «Августовские объявления», свой язык и образная система. И во всем знакомый и его другу Климову принцип: всегда не туда, куда все. Только не вместе с большинством. «Видишь, Сережа, как это жулье нашего брата свежует живьем!»

Без таких, как он, не бывает сопротивления бездушности, банальности, безликости... Такие люди в разные времена вызвали непонимание и недоумение, а бывало, их отправляли и куда подальше. А он сам себя отправил в ссылку, своим лукавством обманув обстоятельства, в которых ему пришлось жить. И с блеском воплотил это в творчестве.

Ширяевскую, порой едкую, иронию не назовешь цинизмом, это скепсис много знающего и пережившего, переживавшего, но вечно очарованного жизнью человека. У него была уникальная память. Он был дотошен и всеведущ во всем, в частности в разных философских течениях. И имел твердые, непоколебимые принципы. Когда стреляли по «Белому дому» (от названия до сих пор коробит!), он, да еще Николай Колмогоров, только и вышли из всех местных писателей на стихийную демонстрацию протеста. Там они, кстати, во многом противоположные, и сблизились, впервые полюбили друг друга, признали. Володя писал: «Даже в годы застойные были люди достойные!» И, кроме того, он говорил, что в те годы существовала такая же любовь, может быть, даже более чистая, чем сейчас... Я хочу сказать, что в ночном небе его скепсиса, как глубокого интеллектуала, всегда присутствовали какие-то звезды, но были и на земле для него маяки, путеводные вехи. Одним из таких маяков была дружба, опека тех, кого он вовлекал в свою орбиту. Притом с такой силой, что и чувствовал, как его подопечные, и жил их переживаниями...

...Был момент, когда те последние, самые верхние звезды, которые только и может видеть человек, лишь на какое-то мгновение померкли. Его гибель была непредсказуемой, неожиданной, ничто не предвещало такого исхода. Однако, разбирая бумаги поэта, его жена неожиданно наткнулась на нечто вроде завещания: «Рая, каждый день два раза повторяй эту молитву, и все у тебя будет хорошо» и дальше текст «Отче наш»...

Деревья, птицы, воздух и вода.
Все ближние и дальние планеты,
Без имени б остались навсегда,
Когда б не жили на земле поэты...

Один мой товарищ, так и не сблизившийся с Володей, после его смерти мне сказал: Володя ему почему-то постоянно видится сейчас мальчиком с открытыми миру глазами и в белой рубашке... А ведь все его стихи такие, взглянитесь!.. Я думаю, что прочувствование и осознание замечательного, только внешне простого, русского поэта Владимира Ширяева неизбежно придет.

В. СОКОЛОВ

Газета «Кузбасс» от 31.03.2006 г.